

кофе
—
лучше,
чем
идеальный
день ♥

Она просто
варила кофе.

Он —
наблюдал.

А потом
захотел
больше...

СИНДРОМ Владельца

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ksseaal

Синдром владельца

«Автор»

2026

ksseaal

Синдром владельца / ksseaal — «Автор», 2026

Алиса: Моя жизнь — это запах кофейной гари, вечно ломающийся замок в студии и копейки до зарплаты. Я просто бариста. А потом появился Ян Корнеев — миллиардер из списка Forbes. Он не пытается познакомиться. Он купил мою жизнь: здание кофейни, мой долг перед банком и тишину вокруг меня. Он следит за каждым моим шагом через камеры «умного города». Он — мой кошмар и единственный человек, который знает, какой температуры чай я люблю, когда мне страшно. Он не просит моего сердца. Он просто забирает его, потому что считает своим по праву владения. Ян: Я просто купил долю в её кофейне как пассивный актив. Но потом я увидел, как она вытирает стойку, напевая фальшивым голосом, и мой мир из графиков и акций дал сбой. Она — единственная ошибка в моем идеальном алгоритме. Я купил квартиру напротив её окон и взломал её телефон. Я уничтожу любого, кто посмеет на неё посмотреть, потому что она — мой самый важный актив. И я не выношу убытков.

© ksseaal, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 8:15	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

ksseaal

Синдром владельца

Глава 1. 8:15

Запах жжёного сахара вьелся в мою кожу, волосы и, кажется, даже в самую душу. Он преследовал меня по утрам, когда я только открывала глаза в своей студии, и провожал до постели, когда я валилась без сил, не в силах даже почистить зубы. Это была густая, сладкая вонь дешевой карамели, пережжённого эспрессо и хлорки от ведра в подсобке. Мой личный сорт «Шанель».

Я провела жесткой губкой по стальному боку кофемашины, сдирая засохшие молочные круги. Рука ныла. Суставы пальцев, привыкшие к мелкой моторике, уже начали предательски хрустеть к концу смены. «Ласточка» — так называлась эта кофейня на задворках Павелецкого вокзала — была местом, где время застывало в густом сиропе безнадёги. Сюда не заходили за спешелти-кофе или вай-фаем. Сюда забегали транзитные пассажиры, которым нужно залить в себя литр горечи, чтобы не уснуть в поезде, и местные охранники, которым просто нужно было теплое место.

— Лиса, вода в бойлере на нуле! — крикнул Макс из-за стойки. — Сейчас всё встанет.

Макс. Мой единственный коллега, спаситель и по совместительству главный источник шума в моей жизни. Он был похож на очень жизнерадостного, слегка помятого сенбернара. Вечно взъерошенный, пахнувший табаком и оптимизмом, который, казалось, ничем невозможно убить.

— Сейчас солью! — отозвалась я, откручивая тугой вентиль. Горячая вода с шипением ударила в сток. Я смотрела, как пар оседает на моих очках, размывая мир. Без них я была почти слепа, маленькая, сутулая фигурка в застиранной толстовке. В них — просто уставшая девушка с синяками под глазами, которым позавидовал бы любой готовящийся к сессии студент.

На часах над входом было 08:12. У нас было три минуты тишины. Священное время перед тем, как первая волна пригородных электричек выплюнет на промерзший асфальт Москвы сотни злых, невыспавшихся людей. Я закончила с машиной и начала протирать витрину с десертами. Круассаны, которые мы покупали замороженными и допекали на месте, выглядели так, словно их уже кто-то жевал. Эклеры покрылись испариной. Единственной живой вещью здесь был фикус в углу, который Макс притащил с помойки неделю назад. Он назывался «Федор» и, кажется, уже умирал от тоски.

Дзинь. Звякнул колокольчик над дверью.

Я машинально нацепила самую профессиональную из своих уставших улыбок и повернулась. Это был он. Он не вошёл. Он просто *возник* в проеме, словно кто-то вырезал силуэт в утреннем смоге. Высокий. Даже под распахнутым тяжелым кашемировым пальто было видно, какая у него идеальная, какая-то пугающая осанка. Плечи не просто прямые — они казались вытесанными из камня. Темные волосы, идеально уложенные, но без грамма геля, и руки.

Боже, у него были руки пианиста. Длинные пальцы, ухоженные ногти, никаких мозолей. Эти руки не знали физического труда. Они знали только власть. Но больше всего пугало его лицо. Вернее, то, что он с ним делал. Он носил черную тканевую маску, закрывающую нос и рот — такие носили в разгар пандемии, но сейчас, в октябре, это выглядело странно и театрально. Оставались только глаза. Серые. Стальные. Абсолютно неподвижные. И взгляд. Он не моргал. Он просто смотрел сквозь стекло витрины прямо на меня.

Ян Корнеев.

Я не знала его имени еще месяц назад. Для меня он был просто «Гость 4» в моем внутреннем гроссбухе. Тот, кто приходит каждый день в 08:15. Тот, кто садится за угловой столик в тени. Тот, кто никогда ничего не заказывает. В первый день я, следуя инструкции, подошла к нему.

— Доброе утро, что будете... — Стакан, — перебил он. Голос был тихим, с легкой, почти неуловимой хрипотцой. Как наждачная бумага по стеклу. — Пустой. Средний. Я тогда опешила.

— Простите? — Стакан. Пустой. Средний. Яблочный сок принесете отдельно. В закрытой бутылке. Я принесла. Он взял стакан, не поблагодарив, прошел к своему столику. Вылил в него сок, хотя стакан стоял пустым, и просто сидел. Смотрел. Три часа. Пока не закончилась моя смена.

С тех пор ничего не изменилось. Кроме одного. Сегодня он пришел без яблочного сока. Только маска. Только глаза. И черная перчатка на правой руке, сжимающая телефон, который, я готова была поклясться, стоил больше, чем моя студия, мебель и «Федор» вместе взятые.

— Американо? Латте? — пискнула я, чувствуя, как улыбка сползает с лица. Он не ответил. Он просто поднял руку и протянул мне через стойку пустой бумажный стаканчик. Тот самый, который мы использовали на вынос.

Моё сердце пропустило удар. Это было впервые. За месяц. Он впервые нарушил свой ритуал. Он подошел к стойке. Макс, стоявший за кассой, нервно сглотнул. Даже он, непробиваемый Макс, чувствовал исходящую от этого мужчины ауру абсолютного, ледяного холода.

— Сделай, — коротко бросил Ян, кивая на стакан. Я взяла его дрожащими пальцами. Бумага была ледяной. Как и он сам. — На чем делать эспрессо? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — У нас есть Бразилия, есть Эфиопия...

Он наклонил голову чуть вбок. Это было первое движение за всё время. Птица. Хищная, очень умная птица. — Без разницы, — сказал он. — Просто пена. Просто пена.

Я работала бариста три года. Я знала всё о колд-брю, воронках, турках и кемексе. Я могла отличить кислинку цитруса от цветочных нот. Но «просто пена» от человека, чей взгляд замораживал воду, звучало как приговор.

Я включила пар. Свист пара всегда меня успокаивал. Это был звук работы. Звук того, что я хоть что-то умею делать хорошо. Я взбила молоко в питчере до идеальной микропены, глянцевиной и плотной. Сняла питчер, пару раз стукнула им о стол, чтобы выбить лишние пузыри.

Ян всё это время не шевелился. Он смотрел на мои руки. Я чувствовала его взгляд физически, словно он касался моей кожи ледяным скальпелем. Я начала лить. Сначала база — немного самого простого эспрессо, чтобы было за что зацепиться. Потом — белая лавина молока. Я вывела спираль. Фибоначчи. Идеальную, математически выверенную спираль, которую он всегда разглядывал. Это была моя маленькая месть.

Мой способ сказать: «Смотри, я тоже знаю, что такое идеальная геометрия». Я закончила. Поставила стакан на салфетку. Плавный переход от коричневого к белому, идеальная точка в центре.

— Пожалуйста, — сказала я, пододвигая его. Он не взял стакан. Он продолжал смотреть на меня. Его глаза изменились. В них появилось что-то... оценивающее. Как у коллекционера, который смотрит на редкий экземпляр жука.

— Ты похудела, — сказал он вдруг. У меня оборвалось всё внутри. Воздух застрял в легких. Что?

— Что? — выдавила я. — Ты похудела, — повторил он тем же ровным, лишенным эмоций тоном. — И круги под глазами стали темнее. Ты спишь по четыре часа?

Откуда он знает? Я никому не говорила. Я взвешивалась только на старых весах в спорт-зале через дорогу, и то раз в неделю. Откуда он... Я посмотрела на его руки. На телефон. Он не просто сидел в нем. Он *работал*. Мои ладони мгновенно вспотели.

— Это не ваше дело, — прошептала я, чувствуя, как к щекам приливает краска стыда и злости. Я медленно, очень медленно моргнула. Раз. Второй.

— Моё, — сказал он. И взял стакан. Он не пил. Он просто держал его в руке, грея пальцы о картон. Его черная перчатка контрастировала с белым стаканом так резко, что это выглядело почти пошло.

— Дверь, — сказал он, кивнув в сторону входа. — Она скрипит. Это нарушает акустику. Макс за кассой замер с открытым ртом. Акустику? В этой конуре, пропахшей плесенью и отчаянием?

— Мы вызовем мастера, — пролепетала я. — Не нужно. — Он сделал наконец глоток. Не пенки. Он пил прямо через край, как воду. — Я уже вызвал. Придут сегодня в два.

Он допил. Поставил пустой стакан на стойку. Развернулся. И пошел к выходу. — Эй! — крикнула я ему в спину, сама не понимая, что за смелость на меня нашла. — А платить? Он остановился в дверях. Обернулся. Маска скрывала нижнюю часть лица, но глаза... в его глазах плеснуло что-то похожее на насмешку. — Уже, — сказал он. И вышел. Я стояла, сжимая в руке пустую салфетку, и смотрела на закрытую дверь.

Макс подошел ко мне. — Лиса, ты белая, как мел. Этот чувак... он кто? ФСБ? Мафия? — Он псих, — прошептала я. — Макс, он знает, сколько я сплю. — Может, у него камеры в зале? — предположил Макс, оглядываясь на люстру. — Хотя... он же в маске. И голос... Лиса, у меня от его голоса яйца сжимаются.

Я не слушала. Я смотрела на терминал оплаты. Он был пуст. Никакого чека. Я метнулась к монитору кассы, открыла историю транзакций за утро. Пусто. Я проверила банковское приложение на своем старом, вечно глючащем смартфоне. Пусто. Я заглянула в ящик с наличностью. Там, поверх мятых сотен, лежала одна бумажка в пять тысяч рублей. Свежая, хрустящая, идеально ровная. Я подняла её. На лбу президента, прямо над бровью, была нарисована маленькая, идеальная спираль. Та самая. Фибоначчи.

Меня затрясло. Это была не оплата. Это была подачка. Или взятка. Или... я не знала, что это. Но это было хуже, чем если бы он просто швырнул в меня мелочью.

— Я увольняюсь, — сказала я Макс. Голос был чужим, тонким. — Прямо сейчас. — Да ладно тебе, Лис, — Макс попытался улыбнуться, но вышло криво. — Он просто странный богатей. Брось. Деньги-то хорошие.

— Он знает, Макс, — я посмотрела на него, и, кажется, в моих глазах был настоящий ужас. — Он знает про меня всё. Он знает, что я вчера плакала в подсобке, потому что у меня украли наушники. Камер в подсобке нет. Откуда он знает?

Макс открыл рот, чтобы что-то ответить, но в этот момент над дверью снова звякнул колокольчик. Вошел первый утренний клиент — грузный мужик в форме охранника, пахнувший перегаром и дешевым одеколоном. — Американо. Два сахара. И побыстрее, — буркнул он, тяжело падая на стул у окна.

Я механически повернулась к кофемашине. Руки делали работу сами. Молоть. Темперовать. Лить. Мыть. Всё это было таким... нормальным. Таким человеческим. Но теперь я знала. Пока я тут спасала «Федора» от засухи и считала копейки на проезд, кто-то другой считал *меня*. В двоичном коде. В алгоритмах. В графиках моей бессонницы.

И этот кто-то только что купил право на скрип моей двери. Я поставила охраннику стакан. Он бросил на стойку сотню и вышел, даже не поблагодарив. Я взяла эти деньги. Посмотрела на них. И впервые за три года работы в «Ласточке» мне захотелось не просто уволиться. Мне захотелось исчезнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.